

Р1

Т53

ТФ

Гр. Л. Н. Толстой

Лсного ли
гелобѣку
земли нужно.

МОСКВА.—1918.

Издание 3-е книжного склада М. В. Клюкина.
Ваганьковский переулокъ, д. № 9.

ИЗДАНИЯ КНИГОПРОДАВЦА М. В. КЛЮКИНА.

ДОБРЫЯ ДУШИ:

Чтение для детей и для народа.

Авиловъ, Н. Сибирь и переселенцы. Очеркъ. Съ рисун., ц. 15 к.

— Что такое чума. Популярный очеркъ. Ц. 10 к.

— Изъ жизни птицъ. Составлено, по Аксакову, Кайгородову, Мензбиру, Брэмму и др. Съ рисун., ц. 10 к.

Авиловъ, П. Калейно. Разск. изъ чукотской жизни. Съ рис., ц. 10 к.

— Веселые дни. Разск. изъ чукотской жизни. Съ рис., ц. 10 к.

— На кампѣ. Разск. изъ чукотской жизни. Съ рис., ц. 12 к.

— Старикъ. Разск. изъ чукот-

— Въ морскихъ водахъ. Очеркъ изъ жизни нѣмого царства, съ рис. ц. 15 к.

— Пчелка-мохнатка. Разск. Съ рисун., ц. 10 к.

— На зарѣ. (Галя). Историч. рассказъ. Съ рисун., ц. 20 к.

— Шарикъ и Баянъ. Газск. Съ рисун., ц. 10 к.

— На рыбныхъ промыслахъ. Разск. Съ рисун. ц. 10 к.

— На морскомъ берегу. Разск. Съ рисун. ц. 6 к.

Э. де-Амичисъ. «Дѣвочка, спаси

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ

обозначенного здесь срока

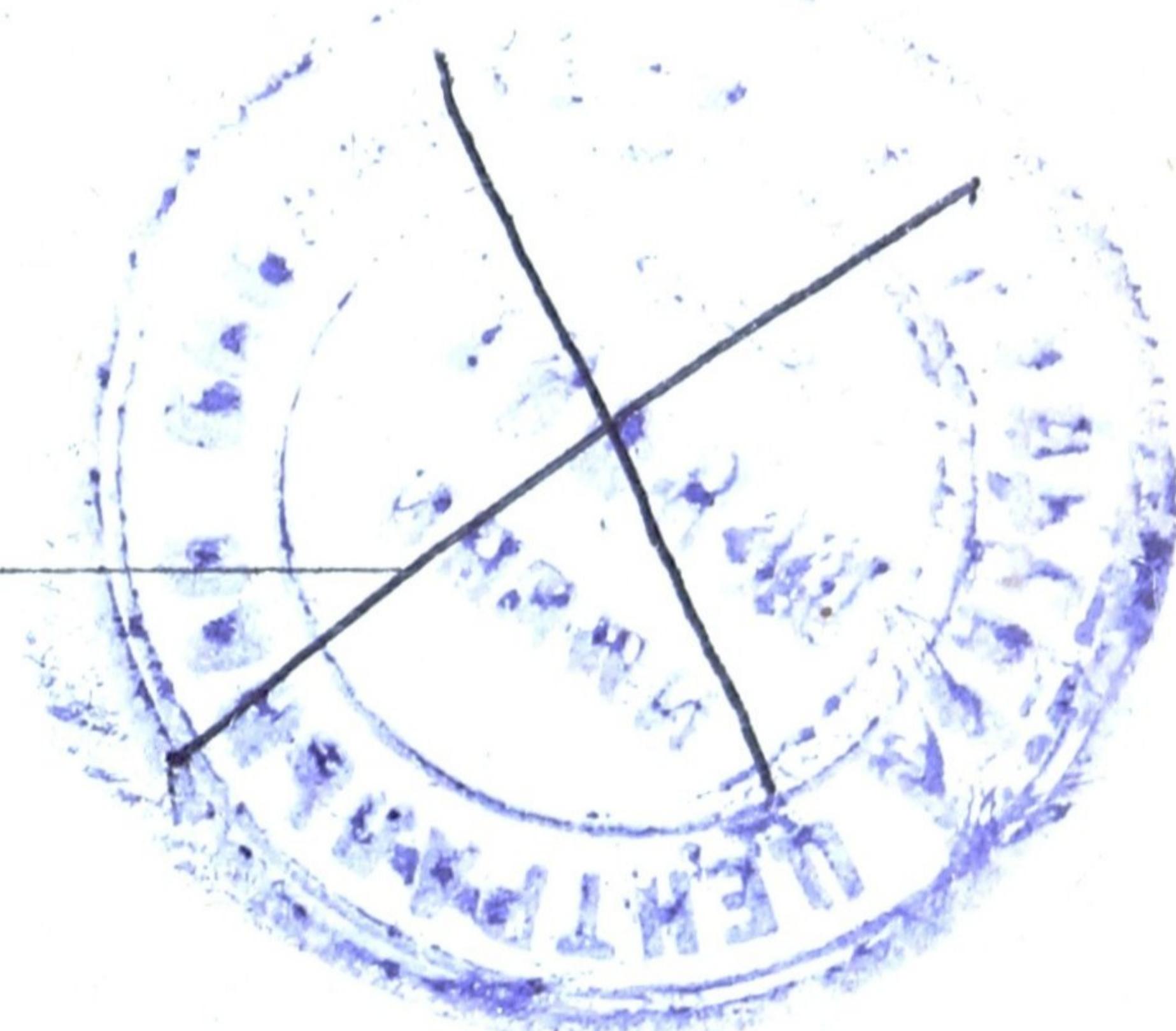
БР - 1 + Ф

РД
Т53

Гр. Л. Н. Толстой.

много ли
голобъку
земли нужно.

88-119

МОСКВА. — 1918.

Издание 3-е книжного склада М. В. Клюкина.

Ваганьковский переулокъ, д. № 9.

МУК «Тульская
библиотечная система»

МУР

Типографія Вальде, пресманъ К. К. Гаусманъ Брестскій пер., 1 № 2.

Много ли человѣку земли нужно.

1.

Пріѣхала изъ города старшая сестра къ меньшей въ деревню. Старшая за купцомъ была въ городѣ, а меньшая за мужикомъ въ деревнѣ. Пьютъ чай сестры, разговариваютъ. Стала старшая сестра чванигться — свою жизнь въ городѣ выхвалять: какъ она въ городѣ просторно и чисто живеть и ходить, какъ она дѣтей наряжаетъ, какъ она сладко ъѣсть и пить и какъ на катанья, гулянья и въ театры ъѣздить.

Обидно стало меньшей сестрѣ, и стала она купеческую жизнь унижать, а свою, крестьянскую, возвышать.

— Не промѣняю я, — говорить,— своего жития на твоё. Даромъ, что сѣро живемъ, да страху не знаемъ. Вы и почище живете, да либо много наторгуете, либо вовсе проторгуетесь. И пословица живеть: барышу накладъ — большой братъ. Бываетъ и то — нынче богатъ, а завтра—подъ окнами находишься. А наше мужицкое дѣло вѣрнѣе: у мужика животъ тонокъ, да дологъ, богаты не будемъ, да сыты будемъ.

Стала старшая сестра говорить:

— Сытость-то какая, — со свиньями да съ телятами! Ни убранства, ни обращенья, — какъ ни трудись твой хозяинъ, какъ живете въ навозѣ, такъ и помрете, и дѣтямъ то же будетъ.

— А что жъ, — говорить меньшая,—наше дѣло такое. Зато твердо живемъ, никому не кланяемся, никого не боимся. А вы въ городѣ всѣ въ соблазнахъ живете, нынче хорошо,

а завтра подвернется нечистый, глядь—и соблазнить хозяина твоего либо на карты, либо на вино, либо на краю какую. И пойдет все прахомъ. Развѣ не бываетъ?

Слушалъ Пахомъ, хозяинъ, на печи, что бабы балакаютъ.

— Правда это,—говорить,—истинная. Какъ нашъ братъ сызмальства ее, землю-матушку, переворачиваетъ, такъ дурь-то въ голову и не пойдетъ. Одно горе—земли мало! А будь земли въ волю, такъ я никого и самого чорта не боюсь.

Отпили бабы чай, побалакали еще о нарядахъ, убрали посуду, полегли спать.

А чортъ за печкой сидѣлъ, все слышалъ. Обрадовался онъ, что крестьянская жена на похвальбу мужа навела: похваляется, что была бъ у него земля, его и чортъ не возьметъ.

— Ладно, — думаетъ, — поспоримъ мы съ тобой; я тебѣ земли много дамъ. Землей тебя и возьму.

2.

Жила рядомъ съ мужиками барынька небольшая. Было у ней 120 десятинъ земли. И жила прежде съ мужиками смирно, не обижала. Да нанялся къ ней солдатъ отставной въ приказчики и сталъ донимать мужиковъ штрафами. Какъ ни бережется Пахомъ, а либо лошадь въ овсы забѣжить, либо корова въ садъ забредеть, либо телята въ луга уйдутъ,—за все штрафъ.

Расплачивается Пахомъ и домашнихъ ругаетъ и бьетъ. И много грѣха отъ этого приказчика принялъ за лѣто Пахомъ. Ужъ и радъ былъ, что скотина на дворъ стала—хоть и жалко корму, да страху нѣть.

Прошелъ зимой слухъ, что продаетъ барыня землю и что ладить купить ее дворникъ съ большой дороги. Услыхали мужики, ахнули. Ну, думаютъ, достанется земля дворнику, замучаетъ штрафами хуже барыни. Намъ безъ этой земли жить нельзя, мы всѣ у нея въ кругу. Пришли мужики къ барынѣ міромъ, стали просить, чтобъ не продавала дворнику, а имъ отдала. Обѣщали дороже заплатить. Согласилась ба-

рыня. Стали мужики ладить міромъ всю землю купить. Сбирались и разъ и два на сходки — не сошлось дѣло. Разбиваешь ихъ нечистый, никакъ не могутъ согласиться. И порѣшили мужики порознь покупать, сколько кто осилитъ. Согласилась и на это барыня. Услыхалъ Пахомъ, что купилъ у барыни 20 десятинъ сосѣдъ, и она ему половину денегъ на года разсрочила. Завидно стало Пахому: раскупятъ, думаетъ, всю землю, останусь я не при чемъ. Сталъ съ женою совѣтовать.

— Люди покупаютъ, надо, — говоритъ, — и намъ купить десятинъ десятокъ. А то жить нельзя: одолѣлъ приказчикъ штрафами.

Обдумали, какъ купить. Было у нихъ отложено сто рублей, да жеребенка продали, да пчель половину, да сына заложили въ работники, да еще у свояка занялъ и набралась половина денегъ.

Собралъ Пахомъ деньги, облюбовалъ землю 15 десятинъ съ лѣсочкомъ и пошелъ къ барынѣ торговаться. Выторговалъ 15 десятинъ, ударилъ по рукамъ и задатокъ далъ. Поѣхали въ городъ, купчую закрѣпили, деньги — половину отдалъ, остальные въ два года обязался выплатить.

И сталъ Пахомъ съ землею. Занялъ Пахомъ сѣмянъ, посѣялъ покупную землю; родилось хорошо. Въ одинъ годъ выплатили долгъ и барынѣ и свояку. И сталъ Пахомъ помѣщикомъ: свою землю пахалъ и сѣялъ, на своей землѣ сѣно косиль, со своей земли колья рубиль и на своей землѣ скотину кормилъ. Выѣдетъ Пахомъ на свою вѣчную землю пахать или придетъ всходы и луга посмотреть — не нарадуется. И трава-то, ему кажется, растеть, и цвѣты-то цвѣтуть на ней совсѣмъ иные. Бывало, проѣзжалъ по этой землѣ — земля какъ земля, а теперь земля особенная стала.

3.

Живеть такъ Пахомъ, радуется. Все бы хорошо, только стали мужики у Пахома хлѣбъ и луга травить. Честью просиль, — все не унимаются: то пастухи упустятъ коровъ въ

луга, то лошади изъ ночного на хлѣба зайдуть. И сгонялъ Пахомъ, и прощалъ, все не судился; потомъ наскучило, сталъ въ волостное жаловаться. И знаетъ, что отъ тѣсноты, а не съ умысломъ дѣлаютъ мужики, а думаетъ: нельзя же и спускать, этакъ они все вытравятъ. Надо поучить.

Поучилъ такъ судомъ разъ, поучилъ другой, оштрафовали одного, другого. Стали мужики сосѣди на Пахома сердце держать; стали другой разъ и нарочно травить. Забрался какой-то ночью въ лѣсокъ, десятокъ липокъ на лыки срѣзаль. Проѣхалъ по лѣсу Пахомъ, глядь, бѣлѣется. Подѣѣхалъ, лутошки брошены лежать и пенушки торчатъ. Хоть бы изъ куста крайняя срѣзаль, одну оставилъ, а то подрядъ злодѣй всѣ счистилъ. Обозлился Пахомъ. — Ахъ, думаетъ, вызналъ бы, кто это сдѣлалъ; ужъ я бы ему выместили. Думалъ, думалъ, кто: больше некому, думаетъ, какъ Семкѣ. Пошелъ къ Семкѣ на дворъ искать; ничего не нашелъ, только поругались. И еще болѣе увѣрился Пахомъ, что Семенъ сдѣлалъ. Подалъ прошеніе. Вызвали на судъ. Судили, судили — оправдали мужика: уликъ нѣть. Еще пуще обидѣлся Пахомъ; со старшиной и съ судьями разругался. Вы, говорить, воровъ руку тянеге. Кабы сами по правдѣ жили, не оправляли бы воровъ. Поссорился Пахомъ и съ судьями, и съ сосѣдями. Стали ему и краснымъ пѣтухомъ грозиться. Стало Пахому въ землѣ жить просторнѣе, а въ міру тѣснѣе.

И прошелъ въ то время слухъ, что идетъ народъ на новая мѣста. И думаетъ Пахомъ: самому мнѣ отъ своей земли итти не зачѣмъ, а вотъ кабы изъ нашихъ кто пошли, у насъ бы просторнѣе стало. Я бы ихъ землю на себя взялъ, себѣ въ кругъ пригналъ; житье бы лучше стало. А то все тѣснота.

Сидѣть разъ Пахомъ дома, заходить мужикъ прохожій. Пустили ночевать мужика, покормили, разговорились — откуда, молъ, Богъ несетъ. Говорить мужикъ, что идетъ снизу, изъ-за Волги; тамъ въ работѣ былъ. Слово за слово, рассказываетъ мужикъ, какъ туда народъ селиться идетъ. Рассказываетъ: поселились тамъ ихніе, приписались въ общество и нарѣзали имъ по 10 десятинъ на душу. А земля та-

кая, говорить, что посыали ржи, такъ солома — лошади не видать, а густая, — что горстей пять и — снопъ. Одинъ мужикъ, говоритъ, совсѣмъ бѣдный съ одиѣми руками пришелъ, а теперь шесть лошадей, двѣ коровы.

Разгорѣлось у Пахома сердце. Думаетъ: что жъ тутъ въ тѣснотѣ бѣдствовать, коли можно хорошо жить. Продамъ здѣсь и землю и дворъ; тамъ я на эти деньги выстроюсь и заведеніе все заведу. А здѣсь, въ этой тѣснотѣ — грѣхъ одинъ.

Только самому все путемъ вызнать надо. — Собрался на лѣто, пошелъ. До Самары плылъ по Волгѣ внизъ на пароходѣ, потомъ пѣший верстъ 400 прошелъ. Дошелъ до мѣста. Все такъ точно. Живутъ мужики просторно, по 10 десятинъ земли на душу нарѣзано и принимаютъ въ общество съ охотой. А коли кто съ денежками, покупай, кромѣ надѣльной, въ вѣчную, сколько хочешь по 3 рубля самой первой земли; сколько хочешь купить можно!

Разузнавъ все, Пахомъ вернулся къ осени домой, сталь все распродавать. Продалъ землю съ барышомъ, продалъ дворъ свой, продалъ скотину всю, выписался изъ общества, дождался весны и поѣхалъ и съ семьей на новыя мѣста.

4.

Прїѣхалъ Пахомъ на новыя мѣста съ семействомъ, пріписался въ большое село въ общество. Попоилъ стариковъ, бумаги всѣ выправилъ. Приняли Пахома, нарѣзали ему на 5 душъ надѣльной земли 50 десятинъ въ разныхъ поляхъ, кромѣ выгона. Построился Пахомъ, скотину завелъ. Земли у него одной душевой противъ прежняго втрое стало. И земля хлѣбородная. Житѣе противъ того, что на старинѣ было, вдесятеро лучше. И пахотной земли и кормовъ въ волю. Скотины сколько хочешь держи.

Сначала, покуда строился да заводился, хорошо показалось Пахому, да обжился — и на этой землѣ тѣсно показалось. Посыпалъ первый годъ Пахомъ пшеницу на душевой,

хороша уродилась. Разохотился онъ пшеницу съять, а душевой земли мало. И какая есть, не годится. Пшеницу тамъ на ковыльной или заложной землѣ съютъ. Посѣютъ тодъ, два и запускаютъ, пока опять ковылемъ порастетъ. А на такую землю охотниковъ много, на всѣхъ и не хватаетъ. Тоже изъ-за нея споры; побогаче кто—хотятъ сами съять, а бѣдняки отдаютъ купцамъ за подати. Захотѣлъ Пахомъ побольше посѣять. Поѣхалъ на другой годъ къ купцу, купилъ земли на годъ. Посѣялъ побольше — родилось хорошо; да далеко отъ села: верстъ за 15 возить надо. Видѣть — въ округѣ купцы-мужики хуторами живутъ, богатѣютъ.—То ли дѣло, думаетъ Пахомъ, коли бы тоже въ вѣчность землиды купить, да построить хуторъ. Все бы въ кругу было. И сталъ подумывать Пахомъ, какъ бы землю въ вѣчность купить.

Прожилъ такъ Пахомъ три года. Снималъ землю, пшеницу съялъ. Года вышли хороши, и пшеница хорошо рожалась, и деньги залежныя завелись. Жить бы да жить, да скучно показалось Пахому каждый годъ въ людяхъ землю покупать, изъ-за земли воловодиться: гдѣ хорошенькая землица есть, сейчасъ налетятъ мужики, все разберутъ; не поспѣль укупить и не на чёмъ съять. А то купилъ на 3-й годъ съ купцомъ пополамъ выгонъ у мужиковъ; и вспахали ужъ; да засудились мужики, такъ и пропала работа. „Кабы своя земля была, думаетъ, никому бы не кланялся и грѣха бы не было“.

И сталъ Пахомъ разузнавать, гдѣ купить земли въ вѣчность. И попалъ на мужика. Были куплены у мужика 500 десятинъ, да раззорился онъ и продается за дешево. Сталъ Пахомъ ладить съ нимъ. Толковалъ, толковалъ — сладился за 1500 руб., половину денегъ обождать. Совсѣмъ ужъ было поладили, да заѣзжаетъ разъ къ Пахому купецъ проѣзжій на дворъ покормить. Попили чайку, поговорили. Разсказываетъ купецъ, что єдетъ онъ изъ дальнихъ Башкиръ. Тамъ, разсказываетъ, купилъ у башкирцевъ земли тысячу пять десятинъ. И стало всего тысячу рублей. Сталъ разспрашивать Пахомъ. Разсказалъ купецъ.—Только, говоритъ, стариковъ ублаготворилъ. Халатовъ, ковровъ раздаилъ рублей на 100,

да циоикъ чаю, да попоилъ винцомъ, кто пьеть. И по 20 к.
за десятину взялъ.—Показываетъ купчую.—Земля, говорить,
по рѣчкѣ, и степь вся ковыльная. — Сталъ разспрашивать
Пахомъ, какъ и что. — Земли, говорить купецъ, — тамъ, не
обойдешь и въ годъ: все башкирская. А народъ несмышлен-
ный, какъ бараны. Можно почти даромъ взять. — Ну, ду-
маestъ Пахомъ, что жъ мнѣ за мои 1000 руб. 500 десятинъ
купить, да еще долгъ на шею забрать. А тутъ я за 1000 р.
чѣмъ завладаю!

5.

Разспросилъ Пахомъ, какъ проѣхать, и только проводиль
купца, собрался самъ ѿхать. Оставилъ домъ на жену, самъ
собрался съ работникомъ, поѣхалъ. Заѣхали въ городъ, ку-
пили чаю цибикъ, подарковъ, вина, все какъ купецъ сказалъ.
Ѣхали, Ѣхали, верстъ 500 отъѣхали. На седьмаяя сутки прі-
ѣхали на башкирскую кочевку. Все такъ, какъ купецъ го-
ворилъ. Живутъ всѣ въ степи, надъ рѣчкой, въ кибиткахъ
войлочныхъ. Сами не пашутъ и хлѣба не Ѣдятъ. А въ степи
скотина ходить и лошади косяками. За кибитками жеребята
привязаны и къ нимъ два раза въ день матокъ пригоняютъ,
кобылье молоко доятъ и изъ него кумысъ дѣлаютъ. Бабы
кумысъ болтаютъ и сыръ дѣлаютъ, а мужики только и знаютъ—
кумысъ и чай пить, баранину Ѣдять, да на дудкахъ играютъ.
Гладкіе всѣ, веселые, все лѣто празднуютъ. Народъ совсѣмъ
темный и по русски не знаютъ,—а ласковый.

Только увидали Пахома, повышли изъ кибитокъ башкирцы,
обступили гостя. Нашелся переводчикъ. Сказалъ ему Пахомъ,
что онъ о землѣ пріѣхалъ. Обрадовались башкирцы, под-
хватили Пахома, свели его въ кибитку хорошую, посадили
на ковры, подложили подъ него подушекъ пуховыхъ, сѣли
кругомъ, стали угождать чаемъ, кумысомъ. Барана зарѣзали
и бараниной накормили. Досталъ Пахомъ изъ тарантаса по-
дарки, сталъ башкирцамъ раздавать. Одариль Пахомъ баш-
кирцевъ подарками и чай раздѣлиль. Обрадовались баш-
кирцы. Лопотали, лопотали промежъ себя, потомъ велѣли
переводчику говорить,

— Велять тебѣ сказать, — говорить переводчикъ, — что они полюбили тебя и что у насть обычай такой — гостю всякое удовольствіе дѣлать и за подарки отдаривать. Ты насть одарилъ; теперь скажи, что тебѣ изъ нашего полюбится, чтобъ тебя отдарить.

— Полюбилась мнѣ, — говорить Пахомъ, — больше всего у васъ земля. У насть, — говорить, — въ землѣ тѣснота, да и земля выпаханная, а у васъ земли много и земля хороша. Я такой и не видывалъ.

Передалъ переводчикъ. Поговорили, поговорили башкирцы. Не понимаетъ Пахомъ, что они говорятъ, а видитъ, что веселы, кричатъ что-то, смѣются. Затихли потомъ, смотрять на Пахома, а переводчикъ говорить:

— Велять, — говорить, — они тебѣ сказать, что за твое добро рады тебѣ сколько хочешь земли отдать. Только рукой покажи какую — твоя будетъ.

Поговорили они еще и что-то спорить стали. И спросилъ Пахомъ, о чёмъ спорятъ. И сказалъ переводчикъ: говорять одни, что надо обѣ землѣ старшину спросить, а безъ него нельзя. А другіе говорятъ — и безъ него можно.

6.

Спорять башкирцы, вдругъ идетъ человѣкъ въ шапкѣ лисьей. Замолчали всѣ и встали. И говоритъ переводчикъ:

— Это старшина самый.

Сейчасъ досталъ Пахомъ лучшій халатъ и поднесъ старшинѣ и еще чаю 5 фун. Принялъ старшина и сѣлъ на первое мѣсто. И сейчасъ стали говорить ему что-то башкирцы. Слушать, слушалъ старшина, кивнулъ головой, чтобъ они замолчали, и сталъ говорить Пахому по-русски.

— Что жъ, — говоритъ, — можно. Бери, гдѣ полюбится. Земли много.

„Какъ же я возьму, сколько хочу?“ думаетъ Пахомъ. „Надо же какъ ни есть закрѣпить. А то скажутъ твоя, а потомъ отнимутъ“.

— Благодаримъ васъ, — говорить, — на добромъ словѣ. Земли вѣдь у васъ много; а мнѣ немножко надо. Только бы мнѣ знать, какая моя будетъ. Ужъ какъ-нибудь все-таки отмѣрить и закрѣпить за мной надо. А то въ смерти-животѣ Богъ воленъ. Вы добрые люди даете, а придется — дѣти ваши отнимутъ.

— Правда твоя, — говоритъ старшина, — закрѣпить можно. Сталъ Пахомъ говорить: я вотъ слышалъ, у васъ купецъ былъ. Вы ему тоже землицы подарили и купчую сдѣлали; такъ и мнѣ бы то же.

Все понялъ старшина.

— Это все можно, — говоритъ. — У насъ и писарь есть, и въ городъ поѣдемъ и всѣ печати приложимъ.

— А цѣна какая будетъ? — говоритъ Пахомъ.

— Цѣна у насъ одна: 1000 руб. за день.

Не понялъ Пахомъ. Какая же это мѣра — день? Сколько въ ней десятинъ будетъ?

— Мы этого, — говоритъ, — не умѣемъ считать. А мы за день продаемъ; сколько обойдешь въ день, то и твое, а цѣна дню 1000 руб.

Удивился Пахомъ. — Да вѣдь это, — говоритъ, — въ день обойти, земли много будетъ.

Засмѣялся старшина. — Вся твоя! — говоритъ, — только одинъ уговоръ: если назадъ не придешь въ день къ тому мѣсту, съ какого возьмешься — пропали твои деньги.

— А какъ же, — говоритъ Пахомъ, — отмѣтить, гдѣ я пройду?

— А мы станемъ на мѣсто, гдѣ ты облюбуешь, мы стоять будемъ, а ты иди, дѣлай кругъ; а съ собой скребку возьми, и гдѣ надобно замѣчай, на углахъ ямки рой, дернички клади, потомъ съ ямки на ямку плугомъ проѣдемъ. Какой хочешь кругъ забирай, только до захода солнца приходи къ тому мѣсту, съ какого взялся. Что обойдешь, все твое.

Обрадовался Пахомъ. Порѣшили наравнѣ выѣзжать. Потолковали, попили еще кумысу, баранины поѣли, еще чаю напились; стало дѣло къ ночи. Уложили Пахома спать на

пуховикъ и разошлись башкирцы. Обѣщались завтра на зорькъ собраться, до солнца на мѣсто выѣхать.

7.

Легъ Пахомъ на пуховики и не спится ему, все про землю думаетъ.—Отхвачу, думаетъ, палестину большую. Верстъ 50 обойду въ день-то. День то нынче—что годъ; въ 50 верстахъ будетъ земли-то что. Какую похуже продамъ или мужиковъ пущу, а любенькую отберу, самъ на ней сяду. Плуга два быковъ заведу, человѣка два работниковъ принайму; десятинокъ полсотни пахать буду, а на остальной скотину нагуливать стану.

Не заснуль всю ночь Пахомъ. Передъ зарей только забылся. Только забылся и видить онъ сонъ. Видить онъ, что лежить будто онъ въ этой самой кибиткѣ и слышитъ, наружи гогочеть кто-то. И будто захотѣлось ему посмотретьъ, кто такой смѣется, и всталъ онъ, вышелъ изъ кибитки и видить — сидѣть тотъ самый старшина башкирскій передъ кибиткой, за животъ ухватился обѣими руками, закатывается, гогочеть на что-то. Подошелъ онъ и спросилъ: чему смѣешься? И видить онъ, будто это не старшина башкирскій, а купецъ намеднишній, что къ нимъ заѣзжалъ, о землѣ разсказывалъ. И только спросилъ у купца: ты давно ли тутъ? А это уже не купецъ, а тотъ самый мужикъ, что на старинѣ снизу заходилъ. И видеть Пахомъ, что будто и не мужикъ это, а самъ дьяволъ съ рогами и съ копытами сидѣть, хочетъ, а передъ нимъ лежить человѣкъ босикомъ, въ рубахѣ и порткахъ. И будто поглядѣль Пахомъ пристальнѣй, что за человѣкъ такой. И видить, что человѣкъ мертвый и что это онъ — самъ. Ужаснулся Пахомъ и проснулся. Проснулся.—Чего не приснится, думаетъ. Оглядѣлся, видеть въ открытую дверь, ужъ бѣло становится, свѣтать начинаетъ. Падо, думаетъ, будить народъ, пора ѿхать. Поднялся Пахомъ, разбудилъ работника въ тарантасѣ, велѣлъ запрягать и пошелъ башкирцевъ будить.—Пора, говоритъ, на степь ѿхать, отмѣрять. Повставали башкирцы, собирались всѣ и

старшина пришелъ. Зачали башкирцы опять кумысъ пить, хотѣли Пахома угостить чаемъ, да не сталъ онъ дожидаться. Коли ъхать, такъ ъхать,—говорить,—пора.

8.

Собрались башкирцы, сѣли кто верхами, кто въ тарантасы, поѣхали. А Пахомъ съ работникомъ на свое тарантасикъ поѣхали и съ собой скребку взяли. Пріѣхали въ степь, заря занимается. Въѣхали на бугорокъ—по-башкирски—на шиханъ. Вылѣзли изъ тарантасовъ, послѣзали съ лошадей, сошлись въ кучу. Подошелъ старшина къ Пахому, показалъ рукой.

— Вотъ, — говоритъ, — вся наша, что глазомъ окинешь. Выбирай любую.

Разгорѣлись глаза у Пахома: земля вся ковыльная, ровная, какъ ладонь, черная, какъ макъ, а гдѣ лощинка—такъ разнотравье, трава по груди.

Снялъ старшина шапку лисью, поставилъ на землю.

— Вотъ,—говоритъ,—мѣтка будетъ. Отсюда пойди, сюда приходи. Что обойдешь, все твое будетъ.

Вынулъ Пахомъ деньги, положилъ на шапку, снялъ кафтанъ, въ одной поддевкѣ остался, перепоясался потуже подъ брюхо кушакомъ, подтянулся, сумочку съ хлѣбомъ за пазуху положилъ, баклажку съ водой къ кушаку привязалъ, подтянулъ голенища, взялъ скребку у работника, собрался ити. Думалъ, думалъ, въ какую сторону взять — вездѣ хорошо. Думаетъ—все одно: пойду на восходъ солнца. Сталъ лицомъ къ солнцу, размялся, ждетъ, чтобы показалось оно изъ за-края. Думаетъ—ничего времени пропускать не стану. Холодкомъ и итти легче. Только брызнуло изъ-за края солнце, вскинуль Пахомъ скребку на плечо и пошелъ въ степь.

Пошелъ Пахомъ не тихо, не скоро. Отошелъ съ версту; остановился, вырылъ ямку и дернички другъ на дружку положилъ, чтобъ примѣтнѣй было. Пошелъ дальше. Сталъ разминаться, сталъ и шагу прибавлять. Отошелъ еще, вырылъ еще другую ямку.

Оглянулся Пахомъ. На солнцѣ хорошо видно шиханъ, и народъ стоитъ, и у тарантасовъ на колесахъ шины блестятъ. Угадываетъ Пахомъ, что верстъ пять прошелъ. Согрѣваться сталъ, снялъ поддевку, вскинулъ на плечо, пошелъ дальше. Тепло стало. Взглянуль на солнышко. Ужъ время обѣ завтракъ.

„Одна упряжка прошла, думаетъ Пахомъ. А ихъ четыре во дню, рано еще заворачивать. Дай только разуюсь“.— Присѣлъ, разулся, сапоги за поясъ, пошелъ дальше. Легко итти стало. Думаетъ—дай пройду еще верстъ пятокъ, тогда влѣво загибать стану. Мѣсто-то хорошо очень, кидать жалко. Что дальше, то лучше. Пошелъ еще напрямикъ. Оглянулся—шиханъ ужъ чуть видно и народъ, какъ мураши, на немъ чернѣется и чуть блестить что-то.

„Ну, думаетъ Пахомъ, въ эту сторону довольно забралъ; надо загибать. Да и разопрѣлъ—пить хочется“. Остановился, вырылъ ямку побольше, положилъ дернички, отвязалъ баклажку, напился и загнуль круто влѣво. Шелъ онъ, шель, трава пришла высокая и жарко стало.

Сталъ Пахомъ уставать; поглядѣлъ онъ на солнышко, видить—самый обѣдъ.— „Ну, думаетъ, отдохнуть надо“.— Остановился Пахомъ, присѣлъ. Поѣлъ хлѣба съ водою, а ложиться не сталъ: думаетъ—ляжешь, да и заснешь. Посидѣлъ немного, пошелъ дальше. Сначала легко пошелъ. Отъ Ѣды силы прибавилось. Да ужъ жарко очень стало, да и сонъ клонить сталъ, однако все идетъ, думаетъ, часъ терпѣть, а вѣкъ жить.

Прошелъ еще и по этой сторонѣ много. Хотѣлъ ужъ загибать влѣво, да, глядь, — лощинка подошла сырая; жаль бросать. Думаетъ—ленъ тутъ хорошъ уродится. Опять пошелъ прямо. Захватилъ лощинку, выкопалъ ямку за лощиной, загнуль второй уголъ. Оглянулся Пахомъ на шиханъ; отъ тепла затуманилось, качается что-то въ воздухѣ и сквозь мару чуть виднѣются люди на шиханѣ. — Ну, думаетъ Пахомъ, длины стороны взялъ, надо эту покороче взять. Пошелъ третью сторону, сталъ шагу прибавлять. Посмотрѣлъ на солнце—ужъ оно къ полнику подходитъ, а по третьей

сторонъ всего версты двѣ прошелъ. И до мѣста все тѣ же верстъ 15. — Нѣтъ, думаетъ, хоть кривая дача будетъ, а надо прямикомъ поспѣвать. Не забрать бы лишняго. А земли и такъ ужъ много, — вырылъ Пахомъ поскорѣе ямку и повернулъ прямикомъ къ шихану.

9.

Идетъ Пахомъ прямо на шиханъ, и тяжело ужъ ему стало. Разопрѣль и ноги босикомъ изрѣзаль и отбилъ, да и подкашиваться стали. Отдохнуть хочется, а нельзя, не поспѣшь дойти до заката. Солнце не ждетъ, все спускается да спускается. — Ахъ, думаетъ, не ошибся ли, не много ли забралъ? Что, какъ не поспѣшь? Взглянетъ впередъ на шиханъ, взглянетъ на солнце: до мѣста далеко, а солнце ужъ не далеко отъ края.

Идетъ такъ Пахомъ, трудно ему, а все прибавляеть да прибавляеть шагу. Шель, шель, все еще далеко, побѣжалъ рысью. Бросиль поддевку, сапоги, баклажку; шапку бросиль, только скребку держитъ, ей попирается. — „Ахъ, думаетъ, позарился я, все дѣло погубилъ, не добѣгу до заката“. — И еще хуже ему отъ страха духъ захватываетъ. Бѣжитъ Пахомъ, рубаха и портки отъ пота къ тѣлу липнутъ, во рту пересохло. Въ груди какъ мѣхи кузнечные раздуваются, а въ сердцѣ молоткомъ бьетъ и ноги, какъ не свои, подlamываются. Жутко стало Пахому, думаетъ: какъ бы не помереть съ натуги.

Помереть боится, а остановиться не можетъ.

— Столько, думаетъ, пробѣжалъ, а теперь остановиться, — дуракомъ назовутъ. — Бѣжалъ, бѣжалъ, подѣгаетъ ужъ близко, и слышить: визжать, гайкаютъ на него башкирцы, и отъ крика ихняго у него еще пуще сердце разгорается. Бѣжитъ Пахомъ изъ послѣднихъ силъ, а солнце ужъ къ краю подходитъ, въ туманъ зашло; большое, красное, кровяноѳ стало. Вотъ — вотъ закатываться станетъ. Солнце близко, да и до мѣста ужъ вовсе не далеко. Видѣть ужъ Пахомъ, и народъ на шиханѣ на него руками махаетъ, его подгоняютъ.

Видить шапку лисью на землѣ и деньги на ней видить; видеть и старшину, какъ онъ на землѣ сидитъ, руками за пузо держится. И вспомнился Пахому сонъ. — „Земли, думаетъ, много, да приведетъ ли Богъ на ней жить. Охъ, погубилъ я себя, думаетъ. Не добѣгу“.

Взглянуль Пахомъ на солнце, а оно — до земли дошло, ужъ краюшкомъ заходить стало и дугой въ краю вырѣзлось. Наддалъ изъ послѣднихъ силъ Пахомъ, навалился напередъ тѣломъ, насили ноги поспѣваютъ подставляться, чтобъ не упасть. Подбѣжалъ Пахомъ къ шихану, вдругъ темно стало. Оглянулся, ужъ зашло солнце. Ахнулъ Пахомъ. — Пропали, думаетъ, мои труды. — Хотѣль ужъ остановиться; да слышитъ, гайкаютъ все башкирцы, и вспомнилъ онъ, что снизу ему кажется, что зашло, а съ шихана не зашло еще солнце.) Надулся Пахомъ, взбѣжалъ на шиханъ. На шиханѣ еще свѣтло. Взбѣжалъ Пахомъ, видить: шапка. Передъ шапкой сидитъ старшина, гогочетъ, руками за пузо держится. Вспомнилъ Пахомъ сонъ, ахнулъ, подкосились ноги и упалъ онъ напередъ, руками до шапки досталъ.

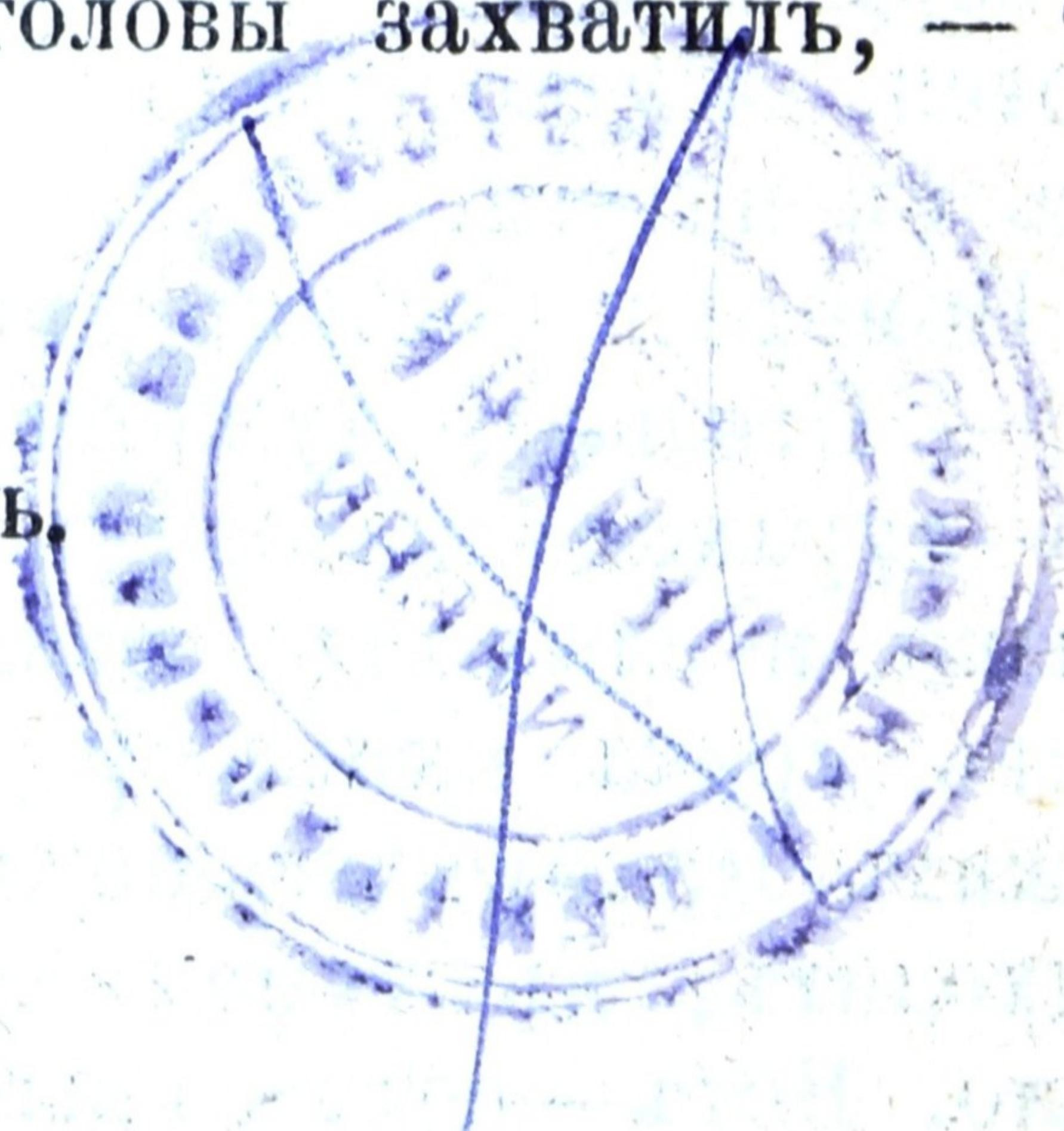
— Ай молодецъ! — закричалъ старшина. — Много земли завладѣлъ.

Подбѣжалъ работникъ Пахомовъ, хотѣль поднять его, а у него изо рта кровь течеть и онъ мертвый лежитъ.

Пощелкали языками башкирцы, пожалѣли.

Поднялъ работникъ скребку, выкопалъ Пахому могилу, ровно насколько онъ отъ ногъ до головы захватилъ, — три аршина — и закопалъ его.

Конецъ.

- «Сидень». Сказка. Съ рис., ц. 10 к.
- «Садовникъ и его господинъ». Сказка. Съ рис., ц. 5 к.
- «Золотой кладъ». Сказка. Съ рис., ц. 10 к.
- «Камень мудрости». Сказка. Съ рис., ц. 10 к.
- «Дикие лебеди». Сказка. Съ рис., ц. 5 к.
- «Соловей». Сказка, съ рис., ц. 5 к.
- «Мать». Сказка, ц. 5 к.
- «Царевна - Русалка». Сказка, ц. 10 к.
- «Ель». Сказка, ц. 5 к.
- «Дюймовочка». Сказка, ц. 5 к.
- Подъ ивой и Бутылочное горышко. Сказки, ц. 10 к.
- Три сказки, съ рисунк., ц. 10 к.
- Весел. сказки. Съ рис. ц. 10 к.
- Сынъ швейцара (Ловкій мышь). Сказка. Съ рисунк., ц. 10 к.
- Принцесса на горошинѣ. Иванушка - Дурачекъ. Сказки. Съ рисунками, ц. 5 к.
- Дочь болотного царя. Сказка. Съ рисун., ц. 15 к.
- Маргаритка и Оле Лукъ-Ойе. Сказки. Съ рис., ц. 10 к.
- Ибъ и Христиночка. Серебряная монета. Сказки. Съ рис., ц. 10 к.
- Калоши счастья. Сказка, ц. 10 к.
- Доля репейника. Прекраснейшая роза міра. Дѣвъ сказки. Съ рисун., ц. 5 к.
- Снѣжная королева. Сказка. Съ рисун., ц. 15 к.
- Жаба. Огниво. Дѣвъ сказки. Съ рисун., ц. 8 к.
- Гречиха. Ленъ. Сказки, ц. 5 к.
- Андреевъ, Н. «Богатырь русской земли». Ист. разск., ц. 10 к.
- Самоотверженные. Наши герои на Дальнемъ Востокѣ. Съ рис. Разск. и очер., изд. 2-е, ц. 15 к.
- Андреевъ, П. Три медвѣдя. Разскажъ. Съ рисун., ц. 10 к.
- Фультонъ и Стефенсонъ. Два великихъ изобрѣтателя. Очеркъ. Съ рисун. и портр., ц. 10 к.
- Приключение крысы. Разскажъ Съ рисун., ц. 20 к.
- Сказка про сову. Съ рисун., ц. 12 к.
- Сказка про филина. Съ рис., ц. 12 к.
- Слышиные неразлучники. Разскажъ. Съ рисун., ц. 15 к.
- Первое горе. Разскажъ. Съ рисунк., ц. 8 к.
- Общими силами. Съ рис., ц. 5 к.
- Сказка о летучей мыши, ночной проказницѣ. Съ рис., ц. 5 к.
- На Волгѣ. Разскажъ. Съ рис., ц. 15 к.
- Борьба за жизнь. Разскажъ. Съ рисун. ц. 15 к.
- Антоновъ, П. Наказной гетманъ Самко. Историческій разскажъ. Съ рисун., ц. 15 к.
- Гетманъ Самойловичъ. Истор. разск. Съ рисун., ц. 15 к.
- Черные люди. Разскажъ изъ жизни углекоповъ. Съ рис., ц. 10 к.
- Охотники на рыбчик. и куропат. Разскажъ. Съ рисун., ц. 10 к.
- Атаманъ Сирко. Историческій разскажъ. Съ рисун., ц. 10 к.
- Гетманъ Богданъ Хмѣльницкій. Истор. разск. Съ рисун., ц. 10 к.
- Подземный міръ. Очеркъ. Съ рисун., ц. 15 к.
- Въ подземномъ царствѣ. Разскажъ. Съ рисун., ц. 15 к.
- Какъ люди достаютъ нефть. Разскажъ. Съ рисун., ц. 10 к.
- Въ турецкой неволѣ. Разскажъ изъ запорожской старины. Съ рис., ц. 15 к.
- Праведный старецъ. Историч. разскажъ. Съ рисун., ц. 10 к.
- Алексѣй Чайковскій, войсковой писарь. Разскажъ. Съ рис., ц. 15 к.

- Въ царствѣ огня. Рассказъ, съ рис., ц. 12 к.
- По Туркестану, очеркъ, съ рисунками, ц. 8 к.
- Въ гостяхъ у сартовъ, разск., ц. 10 к.
- За хлопкомъ, разск. съ рис., ц. 10 к.
- Другъ и врагъ поля. Расск., ц. 10 к.
- Рассказы изъ сибирск. жизни. Съ рисун., ц. 25 к.
- Мурка. Исторія одной кошки. Съ рисун., ц. 8 к.
- Въ цѣпяхъ рабства. Историч. повѣсть изъ запорожской старины. Съ рисун., ц. 25 к.
- Арабскія сказки. I. Аладинъ и волшебная лампа. II. Абу-Магометъ тѣнтай, ц. 15 к.
- Ауэрбахъ. Братья-враги. Расск., ц. 5 к.
- Барсовъ, К. Болгарія и болгари. Очеркъ. Изд. 2-е, ц. 15 к.
- Китай и китайцы. Очеркъ. Съ рис., изд. 2-е, ц. 10 к.
- Беннетъ, Дж. «Газета Бобби». Рассказъ. Съ рис., ц. 5 к.
- Бжезинскій, М. «Приключенія Лягушки - Квакушки» и др. рассказы изъ жизни животн. Съ рис., ц. 20 к.
- «Съ дѣтками о птицахъ и животныхъ». 14 разск. для дѣтей млад. возр., съ рисун., ц. 15 к.
- Чаровныя машины и желѣзныя дороги. Популярный очеркъ. Переv. съ польск., съ рисун., ц. 10 к.

- Бинкласъ, «Отецъ Нарциссъ». Рассказъ, ц. 5 к.
- Богданова. «Америка» (Соединенные Штаты), изд. 3-е, съ рис., ц. 30 к.
- «Путешествіе вокругъ свѣта». Съ рисун. Изд. 4-е, ц. 35 к.
- Богдановъ, А. «Амуръ и Уссурійский край». Очеркъ, ц. 20 к.
- Богдановъ, П. Дѣдушка Крыловъ. Біографич. разск. Съ рис., ц. 20 к.
- Бретъ-Гартъ. «Ночь подъ Рождество». Рассказъ, ц. 5 к.
- Булгаковскій, Д. Г. «Здоровье» Очеркъ (Изъ кн. «На помощь»). Съ рис., ц. 10 к.
- Булгаковъ, П. Дѣвъ доди. Рассказъ. Съ рисунками, ц. 10 к.
- Вино пить—бѣдѣ быть. Расск. Съ рисунками, ц. 10 к.
- Въ ученыи. (Свѣтъ не безъ добрыхъ людей). Рассказъ. Съ рис. ц. 15 к.
- Какъ люди научились писать. Очеркъ. Съ рисун., ц. 12 к.
- День въ римскомъ циркѣ. Истор. разск. Съ рис., ц. 12 к.
- Любите другъ друга. (Дядя Тихъ Антоновичъ учитъ, какъ надо любить ближняго). Расск. Съ рис., ц. 10 к.
- Сиротка Дуня. Рассказъ. Съ рис., ц. 15 к.
- За другихъ. Рассказъ. Съ рисун., ц. 12 к.
- Святые старцы. Сказаніе о жизни свв. Савватія и Зосимы. Съ рисун., ц. 12 к.

Цѣна 15 коп.